


ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)

**Восток России: миграции и диаспоры
в переселенческом обществе.
Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков**

 **Иртыш**
Иркутск
2011

УДК 316.347(571.5)
ББК С55.33(2Р6)
В 76

Издание выполнено в рамках проекта «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI века». Проект реализуется на базе научно-образовательного центра Межрегионального института общественных наук при Иркутском государственном университете (НОЦ МИОН при ИГУ) в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук» и программы институционального развития НОЦ МИОН при ИГУ.
Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт No. 02.740.11.0347.

Научный редактор
В. И. Дятлов,

доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Л. Е. Бляхер, Н. Г. Галеткина, К. В. Григоричев, Д. В. Козлов,
И. В. Нам, А. В. Ремнев, Н. П. Рыжова

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/ науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 624 с.

Монография посвящена сравнительному анализу роли этномиграционных процессов в формировании переселенческого общества Сибири. Ставится задача сравнить ситуации рубежей XIX–XX и XX–XXI веков. Рассматриваются проблемы государственной политики и управления этномиграционными процессами, воздействие миграций на расселенческую структуру, модели экономического поведения и адаптационных практик мигрантов, механизмы и динамика диаспорности, формирование фобий и стереотипов как одной из реакций принимающего общества на присутствие мигрантов, идеологический и политический аспекты проблемы соотечественников.

Монография предназначена для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93219-304-4

© Коллектив авторов, 2011
© МИОН при ИГУ, 2011

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Колонизация Азиатской России позднимперского периода в геополитическом и национальном измерениях	20
Введение	20
1.1. Переселение и колонизация конца XIX – начала XX в.: в поисках научных терминов и политических смыслов	21
1.2. Колонизационная политика самодержавия в Сибири XVIII – начала XX в.: этапы и направления	38
1.3. Крестьянская колонизация в геополитических координатах «внутреннего империализма» и национализма	54
1.4. Русское колониальное культуртрегерство под сомнением	72
1.5. Казачество в колониальных процессах конца XIX – начала XX в.	87
1.6. Православие и «русскость» в колониальном и профессиональном контекстах	104
1.7. «Обрусение с примесью сибирского оттенка»	120
Заключение	138
Глава 2. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке	142
Введение	142
2.1. Государственная миграционная политика: «дрейфуем вместе с линией»	144
2.2. Дальневосточные «страхи» и восточная специфика миграционной политики	148
2.3. Восток России и «ворота в глобальный мир»	159
2.4. Парадоксы миграционной политики в Иркутской области	170
Вместо заключения	179

Глава 3. <i>Mobilis in mobile</i> : миграция в меняющемся пространстве.....	184
Введение.....	184
3.1. Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства.....	188
3.2. Сельская миграция и трансформация пространства постсоветского Улан-Удэ.....	193
3.3. «Ни к селу, ни к городу»: иркутский пригород в пространстве миграций.....	202
Заключение.....	211
Глава 4. Неформальные хозяйственные практики мигрантов на российском Дальнем Востоке.....	213
Введение.....	213
4.1. Изменения правил перехода границы для китайцев. «Сахалинский инцидент» 1912 г.....	217
4.2. Изменение практик «серого импорта» на постсоветской российско-китайской границе.....	238
4.3. Экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.).....	251
4.4. Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в Республике Бурятия после кризиса 2008 г.....	267
4.5. Природные ресурсы российского Дальнего Востока: неформальные практики и китайские мигранты в начале XXI в.....	279
4.6. Адаптация азиатских мигрантов на Дальнем Востоке: формальные правила и неформальные практики в исторической перспективе.....	306
Заключение.....	319
Глава 5. Переселенческие этнические группы в Сибири: диаспорные институты, стратегии и практики.....	323
Введение.....	323

5.1. Исторические особенности формирования и деятельности диаспорных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.).....	329
5.2. Адаптация евреев в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.....	350
5.3. Коллективные стратегии адаптации поляков в Сибири.....	358
5.4. Почему не возникают диаспоры. Польско-белорусский случай в Омском Прииртышье конца XIX – 20-х гг. XX в.....	367
5.5. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири.....	378
5.6. Корейцы Дальнего Востока: опыт самоуправления.....	386
5.7. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацзо во второй половине XIX – начале XX в.....	391
5.8. Советская власть в поиске национальной политики: Иркутск, 1920-е гг.....	403
5.9. Воспроизводство этнической культуры в диаспоре (на примере немцев в Сибири).....	412
Заключение.....	426
Глава 6. «Сибирь – территория согласия»? Стереотип мигранта и мигрантофобия.....	436
Введение.....	436
6.1. Образ поляка в дореволюционной Сибири.....	441
6.2. Германофобия в поздней имперской Сибири.....	448
6.3. Особенности сибирского антисемитизма.....	453
6.4. Китайские мигранты и «образ желтой опасности»: российский вариант общемирового синдрома?.....	461
6.5. Деловая культура китайских предпринимателей глазами российских современников.....	470
6.6. Китайский купец в Монголии глазами русских предпринимателей и исследователей.....	479

6.7. Боксерское восстание и антикитайские настроения на востоке России.....	485
6.8. «Кавказофобия» на рубеже советской и постсоветской эпох.....	490
6.9. Синдром «китайской экспансии» в современной России.....	499
6.10. Динамика представлений о китайских мигрантах на Дальнем Востоке (на материале интервью с предпринимателями).....	505
6.11. Мигранты из Китая: формула образа в иркутских СМИ.....	514
6.12. От таджику к «таджику» — от этнофобии к мигрантофобии.....	520
Заключение.....	525
Глава 7. «Соотечественники за рубежом»: ресурс, инструмент, вызов?	533
Введение.....	533
7.1. Репатриация соотечественников в Россию: что стоит за Программой?	540
7.2. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы	556
7.3. Шэнхэнские буряты в контексте «национального возрождения».....	565
7.4. Возвращение на родину: опыт интеграции латиноамериканской старообрядческой общины в Приморье.....	574
7.5. Русские из Трехречья: диаспора в тени советской легенды.....	583
7.6. Польские соотечественники в сибирской деревне Вершина.....	592
Заключение.....	602
Заключение.....	607
Сведения об авторах.....	619
Аббревиатуры архивов.....	623

Предисловие¹

Переселенческие общества, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, — феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности — феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариантов требует для понимания и различных исследовательских стратегий, компаративистики, описания и анализа отдельных обществ, механизмов и результатов их генезиса и функционирования. В этом смысле сибирское переселенческое общество дает неординарный материал для изучения этих сложнейших процессов и явлений.

В основе его генезиса лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и абортинного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность абортинного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлое. Причем это пришлое население постоянно укореняется, «осибирячивается», приобретает новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старье. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, отсутствия надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Для нашего исследования чрезвычайно важен момент гетерогенности пришлое населения — его культурной, религиозной, этнической, социальной сложности и разнообразия. В фокусе монографии — представители ныне доминирующего русского сибирского населения, а также мигрантских меньшинств, их вклад в формирование переселенческого общества, стратегии и практики адаптации, траектории развития в качестве групп этого общества.

Они попадали сюда в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции растянут во времени, но иногда мог принимать

¹ Автор В.И. Дятлов.

Кто сейчас помнит о том, что в 1990-е годы основным «врагом» были азербайджанцы и именно вокруг них бушевали основные мигрантофобские страсти. Совершенно исчезли из поля внимания в этом качестве армяне и грузины. Нет страха, соответственно и ненависти к «таджикам». Страхи перед «китайским нашествием» дополняются (отчасти и вытесняются) прагматическим пониманием ценности китайских мигрантов как важнейшего ресурса и личного благосостояния, и развития региона. С другой стороны, в том же Иркутске только что закончился судейный процесс над бандой скинхедов, убивавших и избивавших людей по расистским мотивам¹. В забайкальском поселке Харагун произошел несколько лет назад азербайджанский погром с человеческими жертвами.

Эта противоречивая картина может быть интерпретирована так: если и есть в сфере толерантности/интолерантности в Сибири некоторые особенности — но не врожденные и не постоянные. Нет такой «хромосомы» в «гено типе» переселенческого общества. **Все ситуативно и все изменчиво.** Поэтому только постоянное желание и способность общества и власти удерживать мигрантофобию в социально безопасных рамках будет формировать основные параметры экономического, политического и культурного развития страны. Возможно — и само ее существование. Это один из самых серьезных вызовов для российского общества, и от характера ответов на него зависит наше будущее.

Глава 7

«Соотечественники за рубежом»: ресурс, инструмент, вызов?

Введение

Миграционные и диаспоральные процессы порождают еще одно проблемное поле, которое можно обобщенно обозначить как «соотечественники за рубежом». К двум подробно рассмотренным в предыдущей главе взаимодействующим сторонам (переселенцы и принимающее общество) здесь добавляется третья — страна исхода, или «историческая родина» мигрантов. Взаимоотношения между этими акторами образуют множество разнообразных ситуаций, изучение которых помогает глубже понять проблемы миграционной политики и идеологии, адаптации и интеграции мигрантов и пр.

Исследование феномена «соотечественников за рубежом» неизбежно пересекается с общей миграционной проблематикой, ведь, собственно говоря, миграция и лежит в основе этого явления. Можно сказать, что зарубежные соотечественники — это вчерашние мигранты, в той или иной степени адаптировавшиеся к новому месту проживания, но сохранившие связи с прежней родиной (будь то на уровне реального взаимодействия или только на уровне самоидентификации). В этом смысле к концепту *соотечественники* близко понятие *диаспора*, которое мы используем здесь в широком смысле, оставляя за скобками дискуссию, ведущуюся вокруг этого понятия в социальных и гуманитарных науках². Применительно к соотечественникам, возвращающимся на историческую родину при

¹ Авторский коллектив главы: Н.Г. Галепкина (редактор главы, введение, 7.6, заключение), К.В. Григоричев (7.1), И.Т. Абдулова (7.1), А.Н. Алексеево (7.2), М.Н. Балданов (7.3), В.И. Дятлов (7.3), М.В. Теплоухова (7.4), И.О. Пешков (7.5).

² Подробнее об этом см.: Дятлов В.И. Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 245-266.

непосредственной поддержке властных структур последней, в главе используется термин *репатрианты*¹.

Многие из проблем, которые анализируются в нашей книге в связи с этническими миграциями в целом — управление этномиграционными процессами, диаспоральные стратегии и практики, стереотипы и мигрантофобии, — релевантны и для обозначенной в этой главе темы. Так, если отношение государства к миграционным процессам зачастую выражается в стремлении взять их под контроль, использовать как ресурс и как инструмент в решении своих проблем, то и в отношении к зарубежным соотечественникам мы видим то же самое, но в более специфичной форме. «Бескорыстное» отношение к диаспорам за рубежом и к репатриантам если и встречается, то весьма редко. О нем могут рассуждать как о желательной перспективе и моральном императиве, но все это вряд ли выходит за рамки риторики², которая порой преследует иные, не артикулируемые цели.

На основании анализа политики репатриации, проводимой различными государствами, А.С. Чесноков выделяет целый комплекс задач, которые она в той или иной ситуации призвана решать. Во-первых, возвращение соотечественников

¹ А.С. Чесноков проводит различие между понятием «реэмиграция» и «репатриация». При этом, что оба они обозначают процесс возвращения мигрантов в страну происхождения, понятие «репатриация» используется «для обозначения специально проводимой политики конкретного государства, направленной на возвращение соотечественников», которые либо в силу вооруженного конфликта или каких-либо других внешних обстоятельств, либо добровольно оказались на территории другого государства. См.: Чесноков А.С. Национальная и международная политика в сфере регулирования процессов реэмиграции, репатриации и поддержания связей с экспатриантами: роль культурного фактора // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Астана, 2009. №1. С. 49.

² Вот пример подобной риторики: «Репатриационная политика никогда не должна быть чьим-то средством, поводом для чего-то другого. Ей по определению отказано в таком подходе. Она не может преследовать какую-то вышележащую цель как образовательная, деловая или трудовая миграция. Она сама по себе есть цель и нравственный долг. В ней самой есть моральное основание ко всему... Это особый вид морального действия самого государства, обращенного лицом к своей национальной сущности. К сожалению, в России это не так» (Брадирковский С. Репатриация как моральный долг [Электронный ресурс] / С. Брадирковский // Миграция XXI век. 2010. №2. Режим доступа: <http://polit.ru/analitics/2010/12/13/repatriation.html>, свободный).

может описываться через идеологему «собирания нации» и восприниматься в качестве инструмента нацистроительства. Репатриация в таком случае становится государствообразующей идеей, «без которой немислима национальная культура и национальная идентичность». Наиболее яркий пример такого подхода — Израиль. Во-вторых, «поощрение иммиграции соотечественников — это способ комплексного решения демографических и экономических проблем», таких как сокращение рождаемости и «старение» населения, и как следствие — увеличение государственных расходов на социальное обеспечение пенсионеров, дефицит рабочей силы на рынке труда. Политика содействия возвращению соотечественников играет в данном случае роль катализатора «желательной» иммиграции. В-третьих, «это инструмент аккумуляции инвестиционно-финансовых и научно-технологических ресурсов диаспоры в целях ускорения экономического развития страны». Этот вариант наиболее часто встречается в странах Азии и Латинской Америки. И в-четвертых, «политика привлечения и поддержки соотечественников является элементом официальной идеологии, направленной на обоснование определенных геополитических притязаний на восстановление или установление контроля над территориями, где проживают так называемые «соотечественники»¹.

Последний из упомянутых пунктов связан не только, а может быть, и не столько с поощрением реэмиграции соотечественников, сколько с установлением тесных связей с ними «на местах» с целью использовать зарубежные диаспоры как канал политического влияния в стране их актуального проживания. Таким образом, политика поддержки соотечественников может принимать различные формы — от государственных программ репатриации до мер, направленных на сохранение этнической и культурной идентичности зарубежных диаспор без поощрения их возвращения на историческую родину.

При исследовании различных подходов к проблеме зарубежных соотечественников необходимо рассматривать как политическую риторику и выражаемые или скрываемые ею интересы, так и политическую практику. Другими словами — что

¹ Чесноков А.С. Указ. соч. С. 49-50.

говорят по поводу соотечественников, что при этом делают и что за всем этим стоит. Именно такие вопросы находились в центре нашего внимания при написании данной главы. Однако ее проблематика несколько шире: нам показалось интересным посмотреть также на динамику идентичности репатриантов и членов зарубежных диаспор, на стереотипы и идеологии, влияющие на их репрезентацию и восприятие.

Соотечественники за рубежом могут быть не только инструментом решения внешнеполитических и внутривнутриполитических задач, но и источником проблем для своей исторической родины. Если мы говорим о поддержке репатриации, то здесь по ходу процесса нередко возникают такие «побочные эффекты», как социальная напряженность вследствие конфликта между репатриантами и местным населением. К тому же интеграция переселенцев может проходить не так гладко, как представляется на стадии планирования, и от государства требуется гораздо больше координационных, организаторских усилий, а также дополнительных финансовых вложений.

Если речь идет о выстраивании отношений с зарубежными диаспорами, то этот процесс может вызвать осложнения на международном уровне. Не всякое государство согласится с тем, чтобы его гражданам оказывали покровительство власти другой страны. Возникает проблема конкуренции между властными структурами двух государств. В отдельных случаях она может определять весь характер взаимоотношений страны исхода и страны приема мигрантов. Но даже если конфликты носят локальный характер, все равно они оказывают дестабилизирующее влияние на обстановку вокруг данной группы.

Серьезным вызовом для властей также может стать необходимость более четко очертить границы категории «соотечественники», определить критерии отбора участников государственных программ, направленных на их поддержку. Термин «соотечественник», как отмечает А.С. Чесноков, «по смыслу и содержанию значительно варьируется от страны к стране. Для одних государств соотечественник — это представитель определенной этнической группы, для других — лицо, владеющее определенным языком, исповедующее определенную религию или имеющее определенные исторические/юридические

связи с данной страной»¹. Для России задача сформулировать общее для всех граждан понятие «соотечественник» приобретает особую сложность в силу гетерогенности населения и наличия субъектов федерации, образованных по национальному (а вернее сказать, этническому) принципу. К примеру, для многих жителей Республики Бурятия «соотечественниками» будут, скорее, шэнхэнские буряты (см. раздел 7.4), а не русскоязычные жители ближнего зарубежья, возвращающиеся в Россию в рамках государственной репатриационной программы.

Ситуацию необходимо рассматривать и с точки зрения самих соотечественников, которые являются не только объектом воздействия, но и активным политическим актором. Как они оценивают мероприятия, проводимые государством исхода? Настроены ли на углубление контактов с ним? Почему хотят или не хотят реэмигрировать? Ответы на эти вопросы сильно разнятся. Так, мотивация репатриации у одних людей может лежать в сфере идей и выражаться в метафорах «дух родины», «земля предков». Подобный пример рассматривается в разделе 7.5, где идет речь о возвращении русских старообрядцев из Латинской Америки в Приморье, у которых не было к этому ни каких-либо материальных стимулов, ни выталкивающих факторов в виде дискриминации в стране проживания. В других случаях как раз дискриминационные меры актуализируют интерес к исторической родине. А для кого-то она вдруг становится «землей обетованной» по той простой причине, что на ее территории не идет война, или потому, что здесь можно найти работу и избавиться от нищеты.

Таким образом, если мы ведем речь об инструментальности идеи соотечественников для государства, то вполне закономерно поставить подобный вопрос и по отношению к самим соотечественникам: насколько для них репатриация является самоцелью (как воссоединение с родиной и т.п.), а насколько — средством решения иных задач? Вполне инструментальной может быть и мотивация представителей зарубежных диаспор, которые стремятся к поддержанию отношений с исторической родиной «на расстоянии». Бизнес, политика, культурное

¹ Там же. С. 53.

развитие — каждая из перечисленных сфер может определять такую заинтересованность.

Для постсоветской России проблема соотечественников вышла на первый план с распадом СССР и превращением бывших его граждан в жителей «ближнего зарубежья». В возникших независимых государствах статусные позиции русского/русскоязычного населения резко понизились по сравнению с ситуацией советского периода, что привело к стремительному росту миграции в Россию. Оставшиеся же (те, кто не смог или не захотел уехать) все более стали осознавать себя в качестве сообщества, консолидирующегося на основе русского языка, русской культуры, связей с Россией.

Подобная «диаспорализация» или институализация этничности происходит в это время и в России¹, как среди «новых» (прибывших на постсоветской миграционной волне), так и «старых» этнических групп. Она выражается в создании многочисленных национально-культурных обществ, ассоциаций, землячеств по этническому признаку. Этот процесс вызывает поддержку со стороны властей новых независимых государств, которые рассматривают «человеческие и материальные ресурсы мигрантских сообществ как важные факторы национально-культурного строительства и борьбы за власть»². Таким образом, власти РФ вынуждены отныне не только продумывать стратегию в отношении своих соотечественников за рубежом, но и учитывать подобные стратегии других государств, направленные на группы российских граждан.

Институализация этничности и укрепление связей этнических сообществ российских граждан с их «историческими ро-динами» происходит не только под влиянием постсоветских трансграничных миграций, но и по причине общего изменения отношения к этническим вопросам в обществе. «В отличие от недавних советских времен, иметь дополнительную

этническую характеристику стало не просто безопасно, но вполне уважаемо и даже престижно. А связи с «родинами предков», особенно теми, что проявляли интерес к своим «зарубежным соотечественникам», могли стать даже определенным дополнительным ресурсом³. В одном из кейсов, представленных в нашей главе (п.7.7), этот тезис раскрывается на примере жителей польской сибирской деревни⁴.

Однако соотечественники за рубежом — это не только проблема постсоветского пространства. Пример современной Венгрии показывает, каким дестабилизирующим фактором может стать этот вопрос, когда многочисленные соотечественники воспринимаются через идеологему *разделенной нации*. Сегодня приблизительно 5 млн этнических венгров живут за пределами Венгерской Республики (внутри — 10 млн), причем 3 млн из них — в граничащих с Венгрией странах⁵. Понятно, что эти государства не были в восторге, когда венгерский премьер-министр Йозеф Анталл во время публичного выступления после победы на выборах в мае 1990 г. заявил: «В душе я желаю быть премьер-министром 15 миллионов венгров». Это выступление означало возвращение вопроса о судьбе зарубежных венгров в центр венгерской внутренней и внешней политики. С того времени и до сих пор «эта болезненная проблема постоянно присутствует в отношениях Венгрии с соседями»⁴, прежде всего с Румынией и Словакией.

В июне 2001 г. Венгерский парламент принял Закон «О венграх, проживающих в соседних с Венгрией странах»⁵, который

¹ Там же. С. 71.

² Подробнее см.: Гапелкина Н. Поляки деревни Вершина: этничность как ресурс // Журн. социологии и социальной антропологии. СПб., 2007, № 2. С. 142-154.

³ Возникновение такой ситуации связано с распадом Австро-Венгрии и подписанием в июне 1920 г. Трианонского мирного договора, который определил новые государственные границы в этом европейском регионе. Эти события в самой Венгрии воспринимаются как национальная травма (Хмел Р. Словацкая и венгерская правда в Европейском союзе // Центрально-Европейский ежегодник: сб. ст. и док. / сост. Илона Киш. М.: Логос, 2003. Вып. 1: Международные отношения и безопасность. С. 287-295).

⁴ Хмел Р. Указ. соч. С. 290.

⁵ Имеются в виду Словакия, Румыния, Сербия, Хорватия, Украина, Словения. Австрию исключили из списка под давлением со стороны ЕС, по законам которого нельзя делать различий между гражданами союза, тем более на этнической почве (Хмел Р. Указ. соч. С. 292).

¹ В.И. Дятлов описывает этот процесс как формирование в России «новых диаспор» (Дятлов В.И. «Новые диаспоры» и проблема интеграции внешних мигрантов в принимающее общество // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. материалов междунар. Исл. семинара / под ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталек, 2004. С. 62-74).

² Дятлов В.И. Указ. соч. С. 64.

дерацию соотечественников, проживающих за рубежом»¹ и старта реализации комплекса соответствующих мероприятий. Программа стала, пожалуй, наиболее масштабным и едва ли не единственным системным мероприятием в сфере миграционной политики постсоветской России. Вместе с тем именно она вызывает массу негативных экспертных оценок, хотя представители власти характеризуют ее как вполне успешную и оправданную.

Такое различие оценок связано, вероятно, с разностью позиций аналитиков, с одной стороны, и управленцев, политиков — с другой, в трактовке успешности репатриционных мероприятий. Если первые указывают на системные ограничения для реализации Программы, то вторые настаивают на необходимости «отработки ее механизма», как главного показателя успеха. Радикальная несовместимость этих подходов, имеющих принципиально разные базовые критерии («результат» и «процесс»), заставляет взглянуть на Программу под иным углом. Представляется, что целесообразно от анализа причин и факторов (неуспешности Программы перейти в плоскость размышлений о ее целях, задачах и возможном назначении, которые выходят за рамки деклараций в программной преамбуле и президентском указе.

Но прежде сделаем краткий экскурс в историю российской политики в отношении к соотечественникам за рубежом².

Потребность в формировании такой политики возникла уже в начале 1990-х гг. Масштабные миграционные погоды из постсоветских стран в Россию, ставшие формой стрессовой реакции населения на распад страны, а затем и ответом на процессы национализма в новых государствах, потребовали выработки принципиального решения: что и как делать с огромным миграционным потенциалом нового русского за-

предусматривает получение зарубежными соотечественниками специального документа, удостоверяющего их этническую принадлежность. Этот так называемый «мадьярский паспорт» дает его обладателю право на облегченную процедуру получения венгерского гражданства, а также на ряд льгот во время пребывания в Венгрии: право на работу, бесплатные медицинские услуги, льготные транспортные тарифы, вузовские и послевузовские стипендии и пр. В законе при этом не отговаривается необходимость какого-либо согласования подобных вопросов с государствами, на территории которых живут соотечественники-венгры и гражданами которых они являются. Закон, вступивший в силу в 2002 г., вызвал многочисленные критические замечания, прежде всего, со стороны официальных представителей соседних с Венгрией стран. Один из критиков охарактеризовал его как проявление «мягкого ирредентизма»¹.

По отношению к венгерской нации, которая понимается венгерскими политиками как этническая общность в Венгрии и за ее пределами, используется термин «*всё венгерство*». Его российским аналогом можно назвать концепт *Русско-го мира*, который в последнее время все чаще появляется в общественно-политической риторике, особенно когда речь идет об особой роли России на постсоветском пространстве. То есть опять же — зарубежные соотечественники, составляющие основу Русского мира, воспринимаются, прежде всего, как инструмент реализации геополитических устремлений России. Чуть подробнее о значении и содержании этого концепта будет сказано ниже.

7.1. Репатриация соотечественников в Россию: что стоит за Программой?

Летом 2011 г. исполняется пять лет с момента выхода президентского указа о разработке «Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Фе-

¹ Далее просто Программа.

² Подробнее об этом см.: Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // Наследие империи и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008. Чесноков А. От соотечественников к гражданам. Иммиграционное законодательство и политика России, Казахстана и Украины // Космополис. 2008. № 1(20). С. 145-157.

¹ Кэш Я. Вопросы меньшинствам в новом мировом порядке // Центрально-Европейский ежегодник... С. 285.

7.6. Польские соотечественники в сибирской деревне Вершина

Деревня Вершина, расположенная в Боханском районе Иркутской области, часто упоминается в российских и польских СМИ как «самая большая и известная польская деревня в Сибири». Она была основана в 1910 г. переселенцами из Царства Польского, добровольно приехавшими в Сибирь во время аграрной столыпинской реформы. Интерес к Вершине возник в 1990-е гг. в связи с происходившими в местном сообществе процессами, которые нередко характеризовались как «национально-культурное возрождение». Поначалу они проходили при участии и под контролем местных властных структур, но к концу 1990-х на первый план выдвинулись государственные и общественные институции Республики Польша. Именно контакты с ними как с представителями «исторической родины» стали главным катализатором актуализации этнической идентичности местных жителей¹. В связи с этим во взаимоотношениях вершинских поляков, представителей исторической родины и местных российских властей возникла напряженность, которая выразилась в ряде конфликтных ситуаций, которые мы и предлагаем рассмотреть.

25 мая 2005 г. иркутское представительство российской МИД направило в Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске ноту по факту «неправомерных действий вице-консула Вальдемара Ковальского, которые были расценены как вмешательство во внутренние российские дела»². Столь строгой оценке подверглась попытка польского дипломата урегулировать имущественный конфликт между группой жителей деревни Вершина и руководством действующего здесь ООО «Вершина». Согласно информации областной газеты, «перед посещением деревни, населенной этническими поляками, Вальдемар Ковальский встретился с первым заместителем главы администрации Усть-Ордынского Бурятско-

го автономного округа Виктором Богдановым. В ходе беседы дипломат заявил, что «генконсульство своих поляков в обиду не даст», хотя жители Вершины являются гражданами России»¹.

Более подробно рассказало о происшествии иркутское телевидение, включив в репортаж небольшое интервью с Виктором Богдановым, из которого следовало, что вице-консул в беседе с местным чиновником позволил себе некорректные высказывания: «Почему вы, якобы, обижаете наших поляков. Вот, якобы, у них нет связи, чуть ли нет света, там дороги и так далее. Я говорю, что они не ваши, они граждане России, здесь родились и живут, и скорее наши, а не ваши, он говорит, что они нашей национальности. Но для нас все одинаковы. У нас там рядом в деревнях живут и татары, и русские, и буряты, и все находится в одинаковых условиях»².

Генеральное консульство РП в Иркутске признало факт неправомерных действий своего вице-консула и принесло официальные извинения за случившееся. В скором времени Вальдемар Ковальский покинул Иркутск.

Оставляя в стороне сам внутрихозяйственный конфликт, хотелось бы подчеркнуть фразу, которая представляется очень важной для понимания сути ситуации: «они, скорее наши, а не ваши». Ясно, что в разговоре о вершинниках каждая из сторон имеет в виду разные аспекты их идентичности. Для вице-консула они «свои» в силу их польского происхождения, для местного чиновника они «наши», потому что здесь родились, живут и являются российскими гражданами. Получается, что этничность противопоставляется гражданству, «наши поляки» — «нашим гражданам». То есть люди говорят о совершенно разных, не противоречащих друг другу вещах. Казалось бы, надо разобратся с терминами, и оснований для конфликтов не будет. Однако при более внимательном взгляде на ситуацию становится понятно, что дело не только в терминологической путанице. На первый план здесь выходят вопросы разделения властных полномочий между представителями двух

¹ Там же.

² Шагин В. Польское консульство извинилось за то, что вмешалось в дела граждан России // Текст телерепортажа от 26 мая 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vesti-irk.ru/news_dnya/2005/05/26/20399, свободный.

¹ Галеткина Н.Г. Поляки деревни Вершина: этничность как ресурс // Журн. социологии и социальной антропологии. 2007. № 2. С. 142-154.

² Байкальская служба новостей. Дипломат получил высылание // Вост.-Сиб. Правда. 2005. 26 мая.

государств — России и Польши, а также лояльности данной группы, с одной стороны, к стране, гражданами которой они являются, с другой — к своей «исторической родине».

Значение этого случая выходит далеко за рамки небольшой сибирской деревни. Он выводит нас на проблему, возникающую везде, где имеется компактная группа граждан определенного государства, связанная своим происхождением и этнической принадлежностью с другой страной, которая рассматривает их как своих «соотечественников». Эта проблема предопределяет, как минимум, три взаимодействующие стороны: данную группу, развивающуюся в отрыве от основного этнического массива, страну происхождения и страну проживания. Взаимоотношения между сторонами этого треугольника образуют множество разнообразных ситуаций, нередко конфликтных, что мы и наблюдаем в данном случае.

Спустя год после описанного выше инцидента Вершина и Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске снова оказались в центре внимания СМИ. На этот раз поводом для «международного скандала» стало торжественное мероприятие по установке в деревне мемориальной доски, увековечившей память репрессированных жителей Вершины. Написана на мемориальной доске, выполненная на польском языке, гласила: «Мать поляков — Польша не забудет своих сынов и дочерей, где бы они ни жили, работали, страдали и умирали. Памяти тридцати жителей Вершины, расстрелянных НКВД 19 февраля 1938 года, реабилитированных в 1957 году. Да покоятся в мире! Честь их памяти! Соотечественники. Изготовлено в Островце-св. в 2005 г.».

Относительно того, кто же именно предложил установить в Вершине памятную доску, существует несколько версий. Согласно одной из них, это были руководители польского культурного общества «Висла»¹, согласно другой — польские бизнесмены, посетившие Вершину и услышавшие трагическую историю от местных жителей². В интервью высказывалось также мнение, что появлением мемориальной доски дерев-

ня всецело обязана польскому консульству в Иркутске. Кто бы ни был инициатором идеи, результат ее реализации ясно говорит о том, что жители Вершины — как погибшие, так и живые, являются в данном случае адресатом сообщения, которое несет мемориальная доска (воспользуемся здесь терминологией теории коммуникации). Как текст посвящения, так и изображение над ним (коронованный орел — официальный государственный символ Республики Польша), маркируют в качестве отправителя сообщения Польшу, которая обращается со словами поддержки к «своим детям». Причастность к ней, как к «матери всех поляков», объединяет жителей Вершины с другими людьми польского происхождения, независимо от места и обстоятельств их проживания, в одну категорию «соотечественников». Таким образом, мемориальная доска является не только знаком памяти о репрессированных жителях Вершины, но символизирует также неразрывную связь между сибирскими поляками и их исторической родиной.

Открытие мемориальной доски состоялось 18 июня 2006 г. Церемония включала общую молитву за погибших, освящение доски и приветственные речи гостей. Кроме жителей Вершины в ней приняли участие польские туристы, сотрудники польского консульства, католические священники из Иркутска и Кракова. Среди выступавших была и Вера Баторова, глава муниципального образования «Шаралдай», в ведении которого находится деревня Вершина. По прошествии некоторого времени она отправила главе администрации Боханского района Николаю Петрову докладную записку, в которой сообщила, что мероприятие прошло без соответствующих письменных согласований. Тот, в свою очередь, проинформировал о данном факте представительство МИД РФ в Иркутске, а МИД направил официальную ноту в генконсульство Польши.

Недовольство местных властей вызвал не сам акт коммеморации, а то обстоятельство, что подобное массовое мероприятие, в котором участвовало более 100 человек, включая представителей другого государства, не было должным образом согласовано с ними. Для понимания сути конфликта процитируем еще один фрагмент из газетной публикации: «Вера Баторова (...) рассказала, что в Вершину часто идут полные

¹ Фигура В. М. Польское культурное общество «Висла» // Тальцы. 2005. № 4. С. 34.

² Ульбина Ю. Боханский район стал центром международного скандала // СМ Номер один. 2006. № 45. 16 нояб.

автобусы с польскими туристами, и все они проезжают мимо администрации, никого не ставя в известность. Однако на открытые мемориальной доски Вера Баторову пригласили, и она, поверив словам ксендза Анджея Шевчиwa о том, что все согласования получены, даже выступила на торжестве с ответственной речью. По словам Баторовой, представители католической церкви часто не выполняют своих обещаний. Даже после того, как католическому приходу был передан костел в Вершине, заверения отремонтировать мост, идущий от деревни, так и остались заверениями. (...) Что касается мемориальной доски, Вера Баторова считает, что людям она, безусловно, нужна, хотя в Дундае есть доска, посвященная репрессированным русским, бурятам, полякам... Всем. В то же время глава администрации чувствует себя обманутой и признает, что она, как представитель местной власти, должна была потребовать письменных согласований¹.

Складывается впечатление, что глава местной администрации вылескивает накопившееся раздражение, ставя в один ряд и невыполненные обещания представителей католической церкви, и слишком независимые действия польского консульства (мысль о неправомерности отожествления церковных и государственных структур у нее даже не возникает), и факт собственного участия в «несанкционированной акции». Но всё это говорит не столько о самом эпизоде с мемориальной доской, сколько о том, что активные контакты Вершины с «исторической родиной» выходят из-под контроля местной власти. Они попросту проходят мимо нее, подобно тому, как проезжают мимо здания администрации автобусы с польскими туристами. В том треутольнике, который образует проблема «соотечественников», одна из сторон, а именно — страна проживания в лице местных властей, чувствует себя обделенной, вытесненной из общей коммуникации.

Контакты с исторической родиной стали важным фактором этнических процессов, происходивших в локальном сообществе вершинских поляков в 2000-х гг. Как одно из значимых событий в ряду происходивших в это время отметим

¹ Ульбина Ю. Боканский район стал центром международного скандала // СМ Номер один. 2006. № 45. 16 нояб.

учреждение в деревне в марте 2002 г. общественной организацией «Вершининское польское культурное общество «Висла»». Появилась официальная структура, с которой теперь могли взаимодействовать польские благотворительные организации и фонды, оказывавшие до сих пор поддержку жителям деревни лишь в рамках «гуманитарной помощи». Одним из следствий такого взаимодействия стало открытие в Вершине в июне 2005 г. Польского дома — учреждения, выполняющего функции культурного представительства Польши, деревенского клуба и места собраний общества «Висла». Приобретение и обустройство Польского дома финансировала варшавская общественная организация «Польское содружество».

К этому моменту большую роль в развитии контактов между Вершиной и Польшей играло Генеральное консульство РП, открытое в Иркутске в марте 2004 г. Оно стало своего рода проводником специальных программ польского правительства по поддержке соотечественников за рубежом, и в частности «поляков на Востоке» (устойчивое выражение, проживающих на территории бывшего СССР). Эти программы включают в себя содействие в получении польской визы для посещения исторической родины, организацию краткосрочных ознакомительных поездок в Польшу, а также долгосрочных образовательных проектов, которыми могут воспользоваться молодые люди польского происхождения для получения среднего и высшего образования в польских учебных заведениях. С марта 2008 г. «поляки на Востоке» имеют право на получение так называемой Карты поляка. Это — особый документ, «подтверждающий принадлежность к Польскому Народу»¹ и дающий его обладателю многочисленные льготы при получении польской визы, трудоустройстве и предпринимательстве на территории Польши, доступе к образованию и здравоохранению.

При организационной и финансовой поддержке польского консульства и польских благотворительных организаций многие вершининцы получили возможность побывать в Польше.

¹ Карта Поляка // Официальный сайт Генерального консульства РП в Иркутске [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lukisk.polemb.net/index.php?document=66>, свободный.

Зачастую они включались в состав групп, сформированных из поляков, живущих в других сибирских поселениях, где также действуют польские национально-культурные общества, то есть воспринимались как часть «сибирской Полонии». Более десятка молодых жителей Вершины уже восползовались возможностью бесплатного обучения в польских средних и высших учебных заведениях. Причем никто из них по окончании учебы не попытался закрепиться на исторической родине, что вызвало удивление многих людей в самой Польше.

На этом факте несоответствия в оценках поведения вершинских поляков стоит остановиться чуть подробнее. Рассматривая жителей деревни, прежде всего, как своих соотечественников, многие журналисты и туристы из Польши распространяют на них определенные стереотипы, среди которых — убежденность в том, что соотечественники за рубежом (и в особенности «поляки на Востоке») должны стремиться к воссоединению с утраченной родиной и использовать все возможности для своего возвращения. В этом смысле поляки Вершины не оправдывают ожиданий, поскольку вовсе не хотят переселяться в Польшу. В их идентичности очень сильна региональная, даже локальная составляющая («мы — сибиряки», «наша родина — Вершина») и отсутствуют идеи польского государственного патриотизма.

Говоря о восприятии сибирских поляков в Польше, а также о политике, проводимой РП относительно соотечественников за рубежом, необходимо сказать о существовании различных, подчас конфликтующих между собой подходов. Для иллюстрации этого тезиса обратимся к недавнему эпизоду, связанному с визитом в Вершину маршала польского сената Богдана Борушевича, который состоялся в рамках программы пребывания группы польских политиков и бизнесменов в Сибири 2–10 сентября 2010 г.

Прочитруем официальное сообщение в той его части, которая касается поездки в Вершину. «4 сентября делегация Сената приняла участие в торжествах по случаю 100-летия основания Вершины, самой большой польской деревни в Сибири. Во время праздника Б. Борушевич заверил, что Польша никогда не забывала о соотечественниках в Сибири и всегда будет их под-

держивать, чтобы они и дальше сохраняли свои польские корни. «Дорогие соотечественники, куда же захотели ваши предки? Почти на край света (...), но на самом деле они выбрали хорошее место, прекрасное, — такое, где хочется жить и куда хочется приезжать. Мы приехали к вам, чтобы сказать, что Польша о вас не забыла, Польша о вас помнит и будет помнить», — сказала Б. Борушевич. Маршал подчеркнул, что мало найдется на свете таких мест, где существуют компактные поселения поляков, которые, несмотря на то, что много лет назад покинули отчизну, не только помнят о своем происхождении, но и сохраняют свои обычаи и язык. Он заверил, что Польша всегда будет поддерживать своих соотечественников, живущих в Сибири, чтобы они, «будучи верными гражданами России и добрыми жителями этой земли, сохраняли свои польские корни и гордились тем, что являются поляками». Маршал передал польской школе в Вершине два компьютера, лэптоп и мультимедийный проектор¹.

Слова польского парламентария, одобительно воспринятые жителями Вершины, вызвали бурю негодований в польской прессе и в польском интернет-пространстве. Так в общественно-политическом еженедельнике «Наша Польша» (2010, 14 сент.) появилась статья Р. Выросткевича «Борушевич о прекрасной для поляков Сибири...». Она началась с крикащего, набранного заглавными буквами слова «СКАНДАЛ!», а после которого следовала цитата из выступления сенатора, а затем автор статьи гневно вопрошал: «*Неужели Борушевич, который по своему положению обязан заниматься Полонией, не знает истории и судьбы поляков из Вершины? Разве он не знает, что на протяжении многих лет Сибирь была для них местом горя, несбывшихся надежд, а также репрессий по причине польского происхождения, во время которых не раз поджигали их смерть от рук большевиков?*»² Весь дальнейший текст представляет собой развернутую вариацию процитированного высказывания.

¹ Kontaktu międzyparadowe // Dziennik Senatu, 2010, № 62 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.senat.gov.pl/7/dok/diary/62/62.htm>, свободный.

² Wyrostkiewicz R. W. Boruszewicz o pięknej dla Polaków Syberii... // Nasza Polska, 2010, № 37 (776), 14.09. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.naszapolska.pl/index.php/component/content/article/1553-qnpq-nr-37-wyrostkiewicz-qboruszewicz-o-piknej-dla-polskow-syberii-qswobodny>.

Автор упоминает «бесплодные обещания царской России», которыми заманили в Сибирь бедных поляков, чтобы отвлечь их от эмиграции в Западную Европу и Америку. Говорит он и о «насиленной русификации», которой подверглись здесь его соотечественники в советские времена, и о невозможности вернуться на родину, вследствие чего люди вынуждены были остаться на этой земле, а вовсе не из-за ее красот. Подытоживая, Р. Выросткевич высказывает мнение, что «*Польша уже много лет проводит политику забвения поляков на Востоке*», и примером такого подхода можно считать «*идиллическое заявление Борусевича и его "щедрые" дары*».

Вслед за статьей Р. Выросткевича «Наша Польша» опубликовала интервью, взятое тем же автором у католического священника о. Ярослава Вишневого, работавшего в 1990-х гг. в Сибири. Интервью развивало заданную тему и было выдержано в том же духе, что и статья¹.

Оба материала были размещены на нескольких интернет-сайтах, в том числе на портале «Виртуальная Польша», где вскоре стали появляться гневные комментарии читателей. Приведу лишь некоторые из них: «*Как такой человек может представлять Польшу? Он что — Бога не боится?*» «*Если ему так понравилось там, то надо было и оставаться, одной канальей было бы меньше*»².

Казалось бы, безобидная фраза польского сенатора о красотах местной природы была воспринята посетителями портала как оскорбление. Как нам представляется, основная причина этого кроется в несовпадении двух рамок интерпретации одной и той же ситуации³. Восприятие конкретного события обусловлено здесь более широким контекстом и фоновой информацией, которые составляют основу каждой интерпрета-

ционной рамки. Авторы упомянутых статей и критических комментариев так остро воспринимают позитивную оценку места проживания своих соотечественников, потому что приехали думать и говорить о поляках в Сибири совершенно в ином тоне. Они смотрят на жителей Вершины как на мучеников, и это — наиболее естественный для них взгляд, сформированный сюжетами, в которых соотечественники на Востоке — это всегда жертвы режима (сначала царского, потом советского), не по своей воле попавшие в далекие чужие края и стремящиеся к воссоединению с утраченной родиной. Быть поляком на Востоке — это стигма, которая не предполагает того, что люди могут быть довольны своим положением. Тем более в подобную интерпретационную рамку не вписываются похвалы в адрес Сибири как места проживания соотечественников, звучащие из уст представителя отчизны. Фраза Б. Борусевича в этом смысле сродни глумлению над святыми — как это можно так говорить о мучениках? Как это *Сибирь* может быть хороша для *поляка*?!!

Во избежание недоразумений следует оговориться, что мы вовсе не хотим сказать, будто восприятие поляков в Сибири как мучеников не имеет под собой никаких оснований. Однако подобная рамка интерпретации оставляет за кадром всех тех, кто переселился в Сибирь добровольно. Она не позволяет адекватно воспринимать описание соотечественников как людей, которые в принципе могут быть довольны своей жизнью и судьбой.

Подобная интерпретационная рамка преобладает и в репортажах польских журналистов о Вершине. Позитивные моменты, которые здесь присутствуют, связаны, главным образом, с темой причастности к польской отчизне. Редко кто пишет о местной патриотизме жителей Вершины и их сильной локальной идентичности. Если же кто и упоминает об этом, то опять же используя категорию «жертвы». В данном случае вершинцы — жертвы политики русификации и ассимиляции, а, значит уже не совсем «настоящие» поляки.

Подытоживая историю с визитом польского сенатора в Вершину, можно сказать, что она показывает нам существование различных позиций в восприятии и описании «сооте-

¹ "Borusiewicz jak Spruzczow" — wywiad z ks. Wisniewskim // Nasza Polska, 2010, № 37 (776), 14.09. Режим [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wirtualnapolonia.com/2010/09/18/borusiewicz-o-rieknej-dla-polakow-syberii%E2%80%A6>, свободный.

² Borusiewicz o rieknej dla Polaków Syberii... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wirtualnapolonia.com/2010/09/18/borusiewicz-o-rieknej-dla-polakow-syberii%E2%80%A6>, свободный.

³ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб., 2006.

чественников на Востоке». Одну из них продемонстрировали авторы материалов «Нашей Польши» и комментариев на портале «Виртуальная Полония». Другая проявилась в словах Б. Бурсевича, причем не только непосредственно адресованных жителям Вершины, но и в тех, что были сказаны им несколькими днями ранее на встрече с представителями екатеринбургской Полонии: «*Будни верными гражданами России, вы одновременно являетесь верными поляками и даете здесь добро свидетельство о Польше, потому что по всей Сибири поляки ассоциируются с культурой, наукой, ремеслом*»¹.

Этот подход вполне допускает сосуществование в сибирских поляках «польскости» с «российскостью», этнической составляющей их групповой идентичности («мы — поляки») с региональной / локальной и гражданской («мы — сибиряки, жители Вершины, граждане России»). Думается, что именно такая позиция является наиболее приемлемой основой для нормального развития отношений вершинских поляков с родной своей предков. Кроме того, для более гармоничного протекания этих процессов необходимо, чтобы в них более активно участвовали и местные российские власти.

Заключение

При всем разнообразии представленных в этой главе материалов их объединяет несколько сквозных тем. Это — государственная власть и зарубежные соотечественники; отношение к репатриантам и зарубежным диаспорам со стороны местного сообщества; особенности восприятия исторической родины соотечественниками за рубежом.

Как показывают проведенные исследования, взаимоотношения соотечественников и их исторической родины во многом определяются стремлением последней использовать человеческий и материальный потенциал зарубежных диаспор для решения специфических внешнеполитических и внутриполитических задач. Среди них — преодоление этнодемографических диспропорций, доставшихся от прошлого исторического

¹ Kontakt@poczta.palonia.pl // Diariusz Senatu, 2010, № 62 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.senat.gov.pl/k7/dok/diag/62/62.htm>, свободный.

периода (случай Казахстана); реализация проекта национальности и сплочение общества вокруг концепции «собирающая нация» (Бурятия 1990-х гг., тог же Казахстан, отчасти Россия); заселение приграничных территорий и исправление ситуации на рынке труда, сложившейся вследствие демографического кризиса и стихийной миграции (Россия).

Все эти задачи увязываются с разработкой и реализацией государственных программ поощрения ремиграции соотечественников. Наиболее «чистый» вариант (в смысле проработанности программы и ее идеологического обоснования) мы наблюдаем в современном Казахстане. Программа по возвращению в страну оралманов (этнических казахов, живущих за пределами Республики Казахстан) характеризуется четкой постановкой цели, задач, последовательностью принимаемых мер, координацией усилий в реализации запланированных мероприятий. Но при этом параллельно с успешными результатами показателями наблюдается негативная реакция принимающего общества, причем, в первую очередь, в лице этнических казахов. В результате репатриции соотечественников в стране зреет внутриэтнический конфликт. Оралманы, по сути, превращаются в новое сословие, занимающее особое место в социальной структуре общества. Таким образом, одна из главных преследуемых целей — создание единой нации на основе консолидации вокруг казахского культурного ядра явно не достигается. Решая одни проблемы, репатриция порождает качественно новые, ведет к появлению мигрантофобии, которая ориентирована против своих же соотечественников. Это означает, что привычная для формирования фобий (и мигрантофобии, в частности) дихотомия «свой-чужие», опирающаяся на этнические различия, в данном случае не актуальна, поскольку обе стороны принадлежат к одной этнической группе. Этническое единство отступает здесь на второй план перед различиями в уровне образования, профессионализма, знания местных реалий, а главное, перед тем раздражением, которое вызывают льготы и преференции, получаемые репатриантами.

Казахстанская ситуация (хотя не только она) указывает на разрыв, который может возникнуть между представлениями о

зарубежных соотечественниках, предлагаемыми официальной пропагандой, и восприятием их локальным сообществом. Образ диаспоральных групп как «хранителей традиции» и «носителей аутентичной национальной идентичности», который нередко эксплуатируется идеологами националистического, слабо востребован «рядовыми» гражданами.

Кроме того, в их глазах репатрианты вовсе не представляют собой единую монолитную группу. На практике выясняется, что соотечественник соотечественнику рознь, и оралманы из Китая — совсем не то же самое, что оралманы из Узбекистана. Точно так же и для жителей России соотечественники из бывших советских республик — в большей степени «свои», нежели выходцы из дальнего зарубежья. Другими словами, география выхода переселенцев во многом влияет на величину культурной дистанции, возникающей между ними и местным населением.

Позитивные или негативные установки, существующие в обществе относительно конкретных групп зарубежных соотечественников, также могут определяться идеологически нагруженными историческими представлениями, доставшимися в наследство от предыдущей эпохи. Так, потомки забайкальских казаков, эмигрировавших во время Гражданской войны в район китайского Трехречья, до сих пор воспринимаются в России через призму штампов «семеновцы» и «атаманщина». А сибирские поляки в глазах их соотечественников в Польше по-прежнему окружены ореолом мученичества, мешающим адекватно понимать современные реалии их жизни.

Возвращаясь к вопросу государственной политики в отношении к зарубежным соотечественникам, отметим, что российская ситуация, в отличие от казахстанской, характеризуется отсутствием основополагающей идеи, которая бы помогла сформулировать стройную систему целей и задач, привлекаемых для всех участников этой политики. Хотя риторика и практика последних лет (продвижение концепта Русского мира, уточнение понятия «соотечественники» через внесение поправок в закон) может свидетельствовать о повороте в сторону формирования такой идеологии. Если это предположение верно, то «Программа по оказанию содействия доброволь-

ному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом» может стать не столько инструментом решения конкретных внутренних задач страны, сколько важным вкладом в реализацию наднационального проекта, инструментом формирования новой системы отношений России с постсоветским пространством и миром.

Пока же можно констатировать, что «Русский мир» остается во многом неопределенным, метафоричным и противоречивым концептом. В официальной властной риторике он предстает скорее как общность культурная (не столько «русская», сколько «российская»), тогда как в околовластном дискурсе преобладает примордиалистское понимание, берущее за основу этническое происхождение «по крови».

Как показывает пример Казахстана, Венгрии, Израиля, этнический подход к формулировке идеи единства соотечественников обладает большим мобилизационным потенциалом, однако он мало подходит для России с ее полиэтничным гетерогенным населением. Но даже если бы была выработана четкая и однозначная этническая концепция Русского мира, вряд ли бы это позволило избежать проблем при ее реализации. Рассмотренный в главе частный случай возвращения в Приморье русских старообрядцев показывает, что даже при полном наборе «признаков русскости» (язык, вера, самознание, традиционные ценности) реэмигранты не воспринимались местным населением как часть некоего единого Русского мира. Казалось бы, они обладают всеми необходимыми чертами, чтобы претендовать на роль «носителей аутентичной национальной идентичности», как те же шэнхэньские буряты или казахские оралманы. Однако по возвращении на историческую родину переселенцы оказались в положении «чужаков», не нужных ни российским властям, ни местным «соотечественникам».

Этот случай еще раз показывает, что соотечественники сами по себе редко когда представляют интерес для своей исторической родины, если они не вписаны в рамки более глобальных задач. К подобному выводу подводит и анализ ситуации с шэнхэньскими бурятами, которые в разгар проходивших в регионе процессов националистического строительства вызывали к себе огромный

интерес, но оказались представлены сами себе, как только завершилась «эпоха национально-культурного возрождения». Их жизнь и возможность возвращения на родину перестали быть политически актуальной темой, и реэмиграция стала делом индивидуального выбора и частных усилий представителем принимающего общества.

Подводя итог, можно сказать, что феномен, обозначенный нами как «соотечественники за рубежом», имеет многомерный характер. Вопрос, сформулированный в заглавии главы, не предполагает однозначного ответа и обязательного выбора какого-либо одного из трех перечисленных вариантов. Взаимоотношения экспатриантов и их исторической родины практически всегда носят инструментальный характер, то есть рассматриваются обеими сторонами не как самоцель, а как инструмент для решения каких-либо иных задач. В то же время реализация этих задач неизбежно порождает проблемы и ставит новые вызовы, которые требуют быстрого реагирования и выработки новых стратегий взаимодействия.

Как научная проблема феномен «соотечественников за рубежом» интересен с точки зрения различных исследовательских направлений. Поэтому комплексный подход с применением методов истории, социальной антропологии, демографии показался нам вполне оправданным при работе над этой главой.

Заключение¹

Рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. стали для России переломными эпохами, в том числе и с точки зрения миграционной ситуации. Особенно ярко это продемонстрирует Сибирь, судьба которой и без того всегда определялась миграциями. При всем гигантском различии эпох, разорванных советским периодом, можно говорить и о некоторых несомненных сходствах. Прежде всего, это формирующаяся рыночная экономика и внешняя открытость. Резко возрастают и масштабы внутренних миграций.

В этом контексте появляется совершенно новый по сравнению с предшествующими периодами фактор — массовые трансграничные трудовые миграции, слабо контролируемые государством. Их значение определялось тогда и определяется сейчас не только количеством мигрантов и их растущей долей в численности населения. Причем численность населения востока России была и остается несопоставимо малой сравнительно с задачами освоения, а значит, и удержания в составе страны этого гигантского региона. Хотя и этот фактор сам по себе многими оценивался и оценивается как фактор риска и даже угрозы. В любом случае — как обстоятельство, требующее постоянного пристального внимания и продуманного государственного регулирования. И все же решающее значение приобретает огромная экономическая роль трансграничных мигрантов в жизни региона.

И уже в конце XIX в. складывается коллизия, суть которой была сформулирована в интенсивных дискуссиях того времени. Мощный поток китайских мигрантов может привести к «окитаиванию» Дальнего Востока и потере его для России. Но и отказ от использования их труда, без которого невозможно освоение региона и его защита, приведет к этому же².

Почему же численность и влияние выходящих из соседних азиатских стран расценивалось тогда и расценивается сейчас как «угроза национальной безопасности»? Здесь, конечно,

¹ Автор — В.И. Дятлов.

² Подробнее об этих дискуссиях см.: Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестн. Евразии. 2000. № 1 (8). С.63 — 89.